

Распутин В.Г. Прощание с Матёрой: повести; рассказ/ Валентин Распутин; [предисл. В. Курбатова]. - М.: Эксмо, 2014.- 640 с.

Распутин В.Г. Деньги для Марии: повести, рассказы/ Валентин Распутин. - М.: Эксмо, 2013. - 640 с.

Степанова В.А. Обряд и ритуал в позднем творчестве В. Распутина (на материале рассказа «В ту же землю»)/Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы: монография /Т. Е. Автухович [и др.] ; ред. И.И. Плеханова; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Иркут. гос. ун-т». - Иркутск: Издательство ИГУ. 2014.- 395 с. С. 276-287.

Хрящева Н.П. Распутин и Платонов: трансисторичность «Котлована» как символа пустосозидания//Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы: монография/Т.Е. Автухович [и др.] ; ред. И.И. Плеханова; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Иркут. гос. ун-т». - Иркутск: Издательство ИГУ, 2014. - 395 с. С. 143-157.

Биофайл. Научно-информационный журнал. Презентация: «Пантеон восточнославянских богов как космогоническая модель мироздания». Ипостаси бога Солнца [Электронный ресурс]. URL: <http://biofile.ru/pres/6484.html> (дата обращения 23.06.2015).

Славянская мифология - авторский проект Станислава Свиридова. Терминологический словарь. Алатырь Бел-горюч камень. Явь. Навь [Электронный ресурс]. URL: <http://russianmyth.ru/terminologicheskij-slovar/> (дата обращения 23.06.2015).

© Чевдаева А.А., 2015

Черепанова С. Н. (Екатеринбург, УрГПУ)

«Драма на охоте»: чеховское переосмысление традиции литературного портрета

АННОТАЦИЯ: В статье на примере пьесы «Драма на охоте» рассматривается чеховское переосмысление традиции литературного портрета, выявляется пародийное

переосмысление Чеховым традиции изображения персонажа, благодаря чему образ его становится внутренне противоречивым, требующим вдумчивой интерпретации

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реализм XIX века, литературный портрет, духовный мир героя.

Cherepanova S.N. (Yekaterinburg, USPU)

“Hunt drama”; Chekchov reconsideration of literary portray tradition.

Key words: XIX century realism, literary portray, spiritual world of the hero.

В теории литературы понятие портрета трактуется неоднозначно. Так, С. И. Кормилов к литературному портрету относит только внешний облик персонажа: лицо, одежда, манера поведения [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001]. В. Е. Хализев, определяя портрет героя, уже не ограничивается чисто внешними чертами: «Портрет – описание его наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой» [Хализев 2002: 218]. Наиболее точное определение на наш взгляд дает Л. Н. Дмитриевская: «Портрет в литературном произведении – одно из средств создания образа героя, с отражением его личности, внутренней сущности, души через изображение (portrait) внешнего облика, являющееся особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя» [Дмитриевская 2005: 90]. Исследователь справедливо отмечает, что через портрет персонажа можно осмыслить его внутренний мир.

Задача данной работы заключается в выявлении пародийного переосмысления Чеховым традиции изображения персонажа в «Драме на охоте».

В литературе XIX века, как правило, портретная характеристика соответствовала внутренним качествам, и наоборот, душевный мир отражался в определенных чертах внешнего облика персонажа. Вспомним портрет Григория Печорина из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, данный от лица повествователя: «Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, – верный признак некоторой скрытности характера. <...> В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, выющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгим наблюдениям, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо ярственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные – признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади» [Лермонтов 1937: 230]. Уже по этому отрывочному эпизоду мы можем многое сказать о характере Печорина, его душевных качествах: это человек скрытный, благородный, который за свою недолгую жизнь успел повидать многое; это человек тонкой души, умеющий переживать и сопереживать, потому что на его лице есть следы «душевного беспокойства»; конечно, этот герой отличается и своей «породистой» внешностью, это определяет его особенность среди других персонажей романа, детскость и женственность – верный признак красоты и ранимости души персонажа. Автор показывает нам благородство, природную утонченность и порядочность своего героя через «ослепительно белое белье», стойкость характера – через способность переносить «трудности кочевой жизни» [Лермонтов 1937: 230]. По наблюдениям повествователя, каждая внешняя деталь указывает на ту или иную черту внутренней организации персонажа. Как известно, М. Ю. Лермонтов большое внимание уделяет описанию печоринских глаз (зеркало души). Отсутствие смеха в глазах Печорина указывает или на «злой нрав, или на постоянную грусть», холодный блеск, «подобный блеску гладкой стали», может говорить о хладнокровности, а

непродолжительный и пронзительный взгляд – о пронизательности героя [Лермонтов 1937: 230, 231].

Посредством портретной характеристики героя автор, так или иначе, руководит восприятием читателя. При этом описание портрета характеризует не только объекта, но и субъекта повествования. В «Герое нашего времени» портрет Печорина дан не только в восприятии повествователя-офицера (сделавшего глубокие наблюдения о натуре героя), но и в восприятии рассказчика – Максим Максимыча. Взгляд Максим Максимыча на Печорина отражает особенности характера и сознания штабс-капитана: «Раз, осенью пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, такой беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно» [Лермонтов 1937:195]. В каждом слове, в каждом уменьшительно-ласкательном суффиксе, в каждой замеченной детали чувствуется отеческая забота о молоденьком офицере. По-своему Максим Максимыч отмечает и необыкновенность, уникальность Печорина: «Ведь есть, право, этакие люди, у которых не роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!» [Лермонтов 1937: 195].

Обратим внимание на портрет другого героя литературы XIX века, Родиона Раскольникова: «Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» [Достоевский 1989: 6]. Вновь акцент автора на внешних тонких чертах лица, стройности фигуры, должен подвигнуть читателя, исходя из внешней характеристики, сделать вывод о чувствительности и ранимости натуры героя.

К концу XIX века такого рода литературные портреты, помогающие читателю раскрыть внутренний мир персонажа, а также выявляющие отношение к нему повествующего субъекта, зачастую превращались в штампы. Набор повторяющихся

портретных деталей становился все более и более предсказуем: тонкие черты лица – тонкая душевная организация, удивительные глаза – необыкновенная глубина натуры, женственность и детскость – ранимость и чувствительность и т.п.

Обратимся к особенностям портрета главного героя в «Драме на охоте», одной из чеховских литературных пародий.

В самом начале повести мы находим развернутое описание Камышева-Зиновьева, данное в восприятии редактора. В этом портрете мы обнаруживаем набор всех тех черт, которые были свойственны многим романским героям литературы XIX века: это и широкие плечи, свидетельствующие о физическом здоровье, и внешняя красота, и тонкие черты лица (греческий нос, тонкие губы):

«Он, как я уже сказал, высок, широкоплеч и плотен, как хорошая рабочая лошадь. Все его тело дышит здоровьем и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая, волосы густы, как у здорового мальчика. Ему под сорок. Одет он со вкусом и по последней моде в новенький, недавно сшитый триковый костюм. На груди большая золотая цепь с брелочками, на мизинце мелькает крошечными яркими звездочками бриллиантовый перстень. Но, что главное всего и что так немаловажно для всякого мало-мальски порядочного героя романа или повести, – он чрезвычайно красив. Я не женщина и не художник. Мало я смыслю в мужской красоте, но господин с кокардой своею наружностью произвел на меня впечатление. Его большое мускулистое лицо осталось навсегда в моей памяти. На этом лице вы увидите настоящий греческий нос с горбинкой, тонкие губы и хорошие голубые глаза, в которых светятся доброта и еще что-то, чему трудно подобрать подходящее название. Это "что-то" можно подметить в глазах маленьких животных, когда они тоскуют или когда им больно. Что-то умоляющее, детское, безропотно терпящее... У хитрых и очень умных людей не бывает таких глаз» [Чехов 1975:241, 242]

Интересно, что в воплощении портрета Печорина и Камышева авторы используют сравнение с образом лошади. Но если у М. Ю. Лермонтова этот образ играет на создание

статного, красивого, благородного характера персонажа, то у А. П. Чехова сравнение Камышева с хорошей лошастью несколько снижает благородство персонажа и свидетельствует только о физическом здоровье. Автору важно подчеркнуть красоту своего героя, характерную и для героев других романов. Но это красота внешняя, физическая. Если Печорин, Раскольников были тоненькими, худыми, непривлекательными внешне, но красивы и сильны изнутри, то Камышев, наоборот, силен и красив внешне, но внутри у него есть «что-то», что сродни тоскующему маленькому животному. Кроме того, в сочетании разнородных черт в облике Камышева обнаруживается какая-то несуразность: например, «большое мускулистое лицо» и «тонкие губы», или – «хорошие голубые глаза», которых не бывает «у хитрых и очень умных людей».

Читаем далее:

«От всего лица так и веет простотой, широкой, простецкой натурой, правдой... Если не ложь, что лицо есть зеркало души, то в первый день свидания с господином с кокардой я мог бы дать честное слово, что он не умеет лгать. Я мог бы даже держать пари. <...> Каштановые волосы и борода густы и мягки, как шелк. Говорят, что мягкие волосы служат признаком мягкой, нежной, "шелковой" души... Преступники и злые, упрямые характеры имеют, в большинстве случаев, жесткие волосы. Правда это или нет – читатель опять-таки увидит далее... Ни выражение лица, ни борода – ничто так не мягко и не нежно в господине с кокардой, как движения его большого, тяжелого тела. В этих движениях сквозят воспитанность, легкость, грация и даже – простите за выражение – некоторая женственность» [Чехов 1975: 242].

Грация, «некоторая женственность» вновь сближает героя А. П. Чехова с литературными предшественниками (Печорин, Обломов, Раскольников и др.). Но если раньше женственность была знаком мягкой, рефлектирующей натуры, умеющей сопереживать, то у Чехова женственность оказывается лишь «прикрытием» физической силы героя, запутывая читателя, не позволяя сразу разгадать героя. И вновь внимательный читатель несколько озадачен: как мягкость, нежность и женственность

Камышева сочетаются с его «большим, тяжелым телом», «широкой» «мускулистой» грудью и его сравнением с «хорошей рабочей лошадей»?

В отличие от предшествующей литературы, автор «Драмы...» ставит под сомнение общее мнение о том, что черты внешнего облика всегда однозначно свидетельствуют о натуре человека, особенностях его внутреннего мира. Редактор дает характеристику герою в полном соответствии с канонами классической литературы, но при этом постоянно подчеркивает, что внешность может быть обманчива, что не стоит доверять только внешней характеристике и «хорошим голубым глазам». Автор предостерегает читателя от окончательных выводов о герое по первому впечатлению.

Таким образом, А. П. Чехов иронически переосмысляет создание портрета литературного героя, т. к. создавая портрет Камышева, писатель использует те же черты, что предшествующие писатели, но эти же черты могут заключать абсолютно противоположный смысл. Несообразность, противоречивость деталей портрета героя ведет к пониманию его двойственности. Мягкость движений и женственность некоторых черт делают героя обаятельным, заставляют забыть о его могучем телосложении и физической силе. Как следствие, читатель не может и предположить, что этот «чрезвычайно красивый» человек, с «хорошими голубыми глазами», мягкими «как шелк» волосами, движениями, в которых «сквозят воспитанность, легкость, грация» способен на убийство без раскаяния. Получается некий перевертыш героя литературы XIX века. Но мы не можем говорить о том, что Камышев является всего лишь пародией на литературного героя XIX века. Пародийно переосмысляя литературную портретную традицию, Чехов создает не менее сложного, внутренне противоречивого персонажа, требующего вдумчивого прочтения.

Литература

Дмитриевская Л. Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в

творчестве З. Н. Гиппиус): монография. М.: ИПК «Литера», 2005.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1989.

Кормилов С. И. Портрет // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: Академия, 1937.

Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 2002.

Чехов А. П. Драма на охоте: (Истинное происшествие) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1975.

© Черепанова С.Н., 2015

Хроликова В. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Эпистолярный роман в теоретическом освещении

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается жанровая модель эпистолярного романа как разновидность романа психологического, намечаются разные подходы к анализу данной формы, особое внимание уделяется субъектной и пространственно-временной сфере этого жанра

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпистолярный роман, носители жанрового содержания, субъектная сфера, пространственно-временная организация.

Kchrolicova V. A. (Yekaterinburg, USPU)

Epistolary novel in theoretical perspective.

Key words: epistolary novel, genre concept carriers, subjective sphere, time-and-space arrangement.

Распространенным является представление, согласно которому к эпистолярной литературе относятся произведения художественной или публицистической литературы, которые используют форму частного письма [См., напр.: Крупчанов